

**КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Ирина Градова

Рецепт ОТ ФРЕЙДА

Москва
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Сазонова*

Градова, Ирина.

Г75 Рецепт от Фрейда : роман / Ирина Градова. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. — (Кабинетный детектив).

ISBN 978-5-04-157179-5

Судебный психиатр Любавин обращается к своей крестнице и коллеге психотерапевту Нелли Тарле со странной просьбой: устроиться на работу в психиатрический интернат под названием «Синяя Горка». Несколько лет назад Любавина привлекли к врачебному освидетельствованию человека, насмерть сбившего пешеходов. Профессор признал его вменяемым, после чего виновник аварии прошел повторное обследование в «Синей Горке» с противоположным результатом, избежав уголовной ответственности. Репутацию профессора Любавина вторично подвергли сомнению, когда свидетель по громкому уголовному делу также оказался в «Синей Горке» с психиатрическим диагнозом, а вскоре погиб в результате несчастного случая. Видно, что в интернате творятся странные дела, однако лишь проникнув туда, можно выяснить правду. И Нелли соглашается стать «засланным казачком»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-157179-5

ПРОЛОГ

Сентябрь, 2013 год

Почему Ольга это сделала? Все шло так хорошо, она начала оправляться, стала осознавать, что все ее несчастья, реальные и мнимые, проистекают лишь из-за неправильного отношения к себе и окружающему миру. Она перестала считать себя никчемной, никому не нужной, сменила работу, и личная жизнь вроде бы налаживалась... Ну почему, почему?!

Вокруг места происшествия, несмотря на ранний час, собрался народ: всем охота поглазеть на труп. Сержант в форме, узнав, кто она такая, предложил Неле подняться в квартиру. Лифт стоял на одном из верхних этажей, и оттуда доносилась веселая болтовня: Неля поняла, что не дождется его, и взлетела по лестнице на восьмой этаж. Дверь оказалась приоткрыта.

— Вы кто?

Этот вопрос задал невысокий плотный мужчина в плохо сидящем пиджаке, надетом на застиранную водолазку. Он «принял» Нелю прямо в дверях, а за его спиной она увидела суетящихся людей.

— Меня попросили зайти...

— Родственница покойной? Знакомая?

Покойной. Напрасно она торопилась, напрасно гнала машину, рискуя попасть в аварию!

Сидя в чистой, сияющей белизной кухне, Неля рассказывала следователю все, что знала.

— Получается, вы были ее *психоаналитиком*? — уточнил капитан Гуров.

Слово «психиатрия» в среднестатистических умах обычно вызывает ассоциации исключительно со смиренной рубашкой, а уж «психоанализ», с его чуждыми российскому менталитету приемами, и вовсе кажется чем-то киношным, ненастоящим. Особенно, наверное, видится он таковым человеку вроде Гурова.

— Да, — кивнула Неля. — Ольга посещала меня раз в неделю, по пятницам.

Ее взгляд, вопреки собственному желанию, то и дело устремлялся к окну. Тело Ольги все еще там, на асфальте, стыдливо прикрытое простынкой, и от этого становилось не по себе.

— У Касаткиной была склонность к суициду?

Голос Гурова звучал буднично, даже скучно. Создавалось впечатление, что меньше всего на свете ему хочется сейчас находиться здесь и что с гораздо большим удовольствием он сидел бы на кухне с женой и детьми за завтраком, перед телевизором.

— Да, — кивнула Неля и тут же поняла, что своим ответом поставила под вопрос собственную компетентность как врача. Это тут же отразилось на круглом лице собеседника, а ведь он сразу отнесся к ней предвзято, едва услышав слово «психоаналитик». Поэтому она добавила: — Ольга страдала от тяжелой депрессии, и у нее было несколько суицидальных попыток, но она выздоравливала!

— Неужели? — следователь даже не пытался скрыть усмешку. — Что с ней было не так?

— Депрессия. Она чувствовала себя не на своем месте, — ответила Неля, стараясь формулировать фразы как можно четче, дабы они дошли до этого истукана. — Ольга работала в иностранной фирме, хорошо зарабатывала...

— И чего же ей не хватало? — вновь перебил Гуров: очевидно, он полагал, что Ольга просто с жиру бе-силась.

— Вы, наверное, никогда не работали под давлени-ем?

— Мы, доктор, всегда под давлением — то началь-ства, то общественности, то журналистской братии. Значит, говорите, депрессия у Касаткиной развилась на фоне карьеры?

— Не только. У нее и раньше случались срывы — она состояла на учете в психоневрологическом ди-спансере, но там считали, что она не нуждается в се-рьезном лечении или повторной госпитализации.

— Повторной?

— Ольга уже попадала на стационарное лечение, после первой попытки суицида. Она была очень оди-нока.

— Хорошо, — вздохнул следователь, — как вы ее *лечили*? Препаратами или...

— И препаратами, и «или», — теперь уже перебила Неля. — Терапия была комплексной, потому что од-ними сеансами психотерапии от затяжной депрессии из-бавить невозможно.

— Вам, конечно, лучше знать, — хмыкнул Гуров. — Но, выходит, ваш подход не сработал? В смысле, па-циентка скакнула из окошка — классика жанра! Вот что мне покоя не дает: как вы-то здесь оказались, Нел-ли Аркадьевна, — часто навещаете пациентов на дому?

Ну, вот они и подошли к самому главному!

— Понимаете, Ольга прислала мне сообщение.

— Когда?

— Сегодня утром. Я увидела его гораздо позже, когда получила возможность проверить мобильный.

— Покажите! — потребовал следователь, и Неля покорно протянула ему телефон. Прочитав, он вернул

аппарат со словами: — Ну, все предельно ясно: типа предсмертная записка. Есть идеи, почему это произошло?

— Нет, — покачала головой Неля. Она чувствовала себя измотанной и страшно виноватой. Как могла она быть настолько слепой, чтобы не разглядеть симптомов? Ей казалось, Ольга выздоравливает, а она, оказывается, вынашивала планы самоубийства!

— Знаете, доктор, — поднимаясь, сказал следователь, — я никогда не верил в ваши методы. Этот психоанализ, вся эта ваша дребедень гроша ломаного не стоит!

Впервые в жизни Неля была склонна с этим согласиться. Все, во что она верила, рассыпалось в прах, и она знала, что ей вряд ли удастся собрать осколки разбитого самоуважения.

Не обращая внимания на снующих по аллеям людей в больничных робах, мужчина медленно брел в сторону оранжереи. Он поглубже втянул шею в плечи, пытаясь таким образом избежать ненужного внимания со стороны других людей в белых халатах. Впрочем, беспокоился он зря: в этот послеобеденный час они, скорее всего, мирно выпивают себе в комнате отдыха, ничуть не заботясь о вверенных им пациентах. Огромная оранжерея столетней постройки, почти разрушенная в шестидесятые и вновь возрожденная, возвышалась в конце дубовой аллеи, словно древнеегипетская пирамида.

Большой лохматый пес выскочил на дорожку в нескольких шагах впереди. Сначала мужчина притормозил, решив, что это волк, но быстро осознал ошибку: на территории сновали тучи бездомных собак, и обычно они никого не трогали. Народ с кухни подкармливал животных, и год от года их становилось все больше — видимо, работало «собачье радио», и счастливицы, вкушившие местных деликатесов, созывали сородичей с близлежащих свалок. Внимание мужчины привлек странный предмет, зажатый у пса в зубах. Пес постоял некоторое время, озираясь по сторонам, потом затрусил дальше. Но тут следом за ним из-за деревьев вынырнуло еще двое — небольшая коренастая собачка с длинным, неуклюжим телом и другая, похожая на помесь добермана с обладательницей гораздо менее

благородных кровей. Обе грозно зарычали, упершись передними лапами в землю, и первый пес понял, что может лишиться своего трофея. Мелкий провокатор, подскочив к обладателю приза, ловко куснул его за зад и отпрыгнул. Челюсти громко щелкнули в каком-нибудь сантиметре от его и так, судя по всему, не раз пострадавшего в драках уха. Тогда его товарищ, не дожидаясь, пока атакуемый придет в себя, тоже ринулся вперед, и началась заваруха. Псы катались по дорожке неразрывным клубком, так что невозможно было определить, где чья морда и ноги, взметая тучи пыли и гравия. Затем они свалились в выкопанный по бокам аллеи неглубокий ров и там продолжили потасовку. Ни один из дерущихся не желал сдаваться, и все трое, похоже, давно позабыли о причине схватки, со вкусом отдаваясь на волю адреналина. Наконец большому псу удалось улучшить момент, и он, вскочив на все четыре лапы, рванул в сторону, противоположную той, откуда появился. Двое других с оглушительным лаем кинулись за ним.

Широко раскрыв глаза, мужчина смотрел на брошенную собаками добычу. Это было что-то длинное, белое, подозрительно знакомое. Четыре пальца, растопыренных на плоской кости того, что когда-то было человеческой ладонью, не оставляли места для сомнений.

Ноябрь, 2013 год

Выйдя из машины, Любавин осмотрелся. Ничего не изменилось с тех пор, как умер Аркадий: все тот же дощатый забор, за которым стоял старый дом, нуждавшийся в покраске. Интересно, изменила ли Неля что-нибудь внутри?

Он специально не стал предупреждать девушку о визите, подозревая, что она просто-напросто откажет-

ся разговаривать. А беседа предстояла нешуточная, и Любавин не мог обратиться со своей просьбой ни к кому другому.

— Дядя Илья?!

Открывшая дверь Неля выглядела обрадованной, но в следующую секунду на ее лице появилось подозрительное выражение. Даже оно ее не портило. Любавин знал, что Неле исполнилось тридцать четыре, но выглядела она моложе. Кожа персикового оттенка, который встречается только у брюнеток, вьющиеся короткие волосы, пухлые губы и большие темно-карие глаза сделали бы честь любой актрисе или фотомодели, особенно если ко всему этому приложить руку профессионального стилиста. Сама же Неля, отлично сознавая, что выглядит привлекательно, не слишком пеклась о собственной внешности. Она не забывала заглядывать раз в месяц в парикмахерскую и ухаживать за лицом, но одевалась просто, почти не красилась и не имела привычки подолгу торчать перед зеркалом. Гораздо больше собственной красоты ее занимала психиатрия. Во всяком случае, так было до того злополучного происшествия, которое заставило ее все бросить и уехать в деревню, в старый отцовский дом с удобствами на улице.

— Вы по делу или навестить? — спросила Неля, испытующе глядя на незваного гостя.

— И то, и другое, — крикнул Любавин. — Пропала, понимаешь, никому ничего не сказавши, уединилась... И ради чего?

— Решила сменить обстановку!.. — подкинула идею Неля.

— Ага, — кивнул Любавин, входя в дом, — и бросить работу, диссертацию!

— Я давно решила, что не стану ее заканчивать, — пробормотала Неля, семеня за гостем.

— Ты моя крестница, и мне небезразлична твоя судьба! — через плечо бросил Любавин, словно не слыша ее слов.

— Вас мама прислала?

В гостиной, как и в прихожей, ничего не изменилось. Все та же тяжелая дубовая мебель, которую дед Нели, списавшись с флота, притащил с корабля. Корабль списали вместе с содержимым, и офицерскому составу было разрешено забрать с собой все, что они посчитают нужным. Самые дорогие предметы, к примеру, позолоченные чернильные приборы и посуда тончайшего фарфора, осели у капитана и его помощника, но корабельному врачу тоже кое-что перепало. Дед прихватил мебель — не самое ценное, но все-таки антиквариат: прямоугольный стол с русалочьими головами (видать, делали специально для судна), диван и бюро. Последние поставили в тесный кабинет, а вот стол туда не поместился и потому отправился в гостиную. При виде этого стола, да и вообще всей комнаты, освещенной приглушенным светом лампы, покрытой абажуром бордового цвета, Любавин ощутил болезненный укол ностальгии, будто кто-то вонзил ему в солнечное сплетение вязальную спицу. В этой самой гостиной они с покойным хозяином вели неспешные беседы и курили ароматный табак, забиваемый в трубки привычными движениями. Теперь Аркадия нет, а запах его все еще витает здесь, незримо напоминая о том, что когда-то жил такой человек. Может, он все еще здесь? Говорят же, что души, не желая покидать любимое место, иногда «зависают» там навсегда. То, что Аркадий любил свой старый деревенский дом, сомнению не подлежит... Господи, о чем он только думает?! Он, врач — человек, по определению несуетливый! И все же в этот момент Любавину хотелось,

чтобы его неверие в потусторонние силы поколебалось.

— Чай будете? — спросила Неля.

— Обязательно. Разговор предстоит серьезный!

Любавин слышал, как Неля возится на кухне, стуча посудой. Через несколько минут девушка вошла с деревянным подносом, на котором стояли чашки, сахарница и блюдечко с печеньем. Пока она расставляла все это на столе, Любавин наблюдал за ее плавными, неторопливыми движениями. Как же она похожа на Аркадия, просто удивительно! Он был таким же высоким, стройным, темноволосым, с четкими чертами лица, которые не сгладились даже с возрастом. И двигалась Неля так же, как он, словно некуда ей было торопиться, словно в мире в данную минуту не существовало ничего важнее сервировки стола. Чем она занималась эти два месяца, проведенные вдали от города?

— Как ты тут? — спросил Любавин, беря в руки чашку.

— Хорошо, — пожала плечами Неля. — Здесь отличный воздух, никакого шума.

— Почему ты ушла? — задал он наконец вопрос, который его интересовал. — Что, собственно, произошло?

— Вы знаете, что произошло, дядя Илья, — тихо ответила Неля. — Погибла пациентка. Значит, я — несостоятельный врач.

— Глупости! Думаешь, ты одна потеряла пациента? Что же тогда хирургам говорить? А онкологам?!

— Это другое, — отмахнулась Неля. — Когда пациент умирает, они, по крайней мере, знают, что сделали все возможное. А я не увидела того, что обязательно заметил бы любой профессионал! Я думала, что наметился прогресс, считала себя гением от психиатрии... А она взяла и скакнула из окна, моя *выздоровливающая!*

— Для того и существуют такие ситуации, чтобы мы не зарывались, — вздохнул Любавин. — Мы не боги, а всего лишь ремесленники, но некоторые из нас несут в себе искру божью. Я всегда полагал, что ты из их числа.

— Напрасно полагали, — огрызнулась Неля, и Любавину показалось, что в ее темных глазах блеснули злые слезы.

— Так ты, значит, сюда плакать приехала? — уточнил он, подавляя в себе желание обнять девушку, успокоить, сказать, что все пройдет и боль со временем утихнет. Нет, с Нелей надо действовать по-другому. Необходимо бросить ей вызов, только тогда она, возможно, выберется из болота отчаяния, в которое сама себя затянула. — Будешь, значит, жалеть себя и ненавидеть весь мир? Может, еще и запьешь? Знаешь, женский алкоголизм неизлечим!

— Дядя Илья!

— Ну ладно, ладно, я не за тем приехал, чтобы ругаться, да и не за тем, чтобы слезы вытирать: ты уже давно взрослая девочка, да еще и доктор. Помнишь изречение: «Medice, cura te ipsum!»

— «Врач, исцели себя сам»? А я что делаю? Вот, сижу здесь, лечу свою больную совесть и раненое самолюбие.

— Предлагаю другую терапию. «Клин клином» называется.

— Хотите, чтобы я вернулась на работу? Забудьте, дядя Илья: я передала своих пациентов коллегам!

— Это дело поправимое. Только у меня предложение иного рода. Как ты смотришь на то, чтобы поработать в психлечебнице? В *настоящей* больнице?

— Дядя Илья, я же три года проработала в «Скворцова-Степанова», помните?

— Ну да, на заре, как говорится, туманной юности!

Считаешь, этого достаточно? Я ни в коем случае не подвергаю сомнению твою квалификацию, — ты и сама отлично справляешься, — но тебе не кажется, что психиатр должен помогать всем, а не только пациентам с деньгами? От тяжелых случаев отказываться грех.

— Я не отказывалась — и вот результат! — сквозь зубы процедила Неля.

— Ты будешь не одна, коллеги вокруг, ответственности меньше, а работы больше. Ты ведь не боишься?

— Боюсь! Я боюсь, что кто-то может пострадать из-за моей некомпетентности!

— Всего одна трудность (не забывай, что ты еще молода — и как врач, и как человек, и то ли еще будет!), и ты готова сдать? Все, ради чего ты училась и набиралась опыта, пойдет псу под хвост из-за единственной ошибки?!

— Женщина умерла, дядя Илья, — едва слышно пробормотала Неля. — Этого не исправить!

— Во-первых, никто не доказал, что ты ошиблась.

— Я являлась ее лечащим врачом и должна была заметить, что с ней что-то не так! Но все шло хорошо, у нее появился мужчина...

— Мужчина?

— Ну да.

— Что за мужчина?

— Понятия не имею. Она боялась взглянуть, поэтому избегала делиться впечатлениями. А почему вы спрашиваете?

— Понимаешь, со мной связался следовательно по делу Ольги Касаткиной.

— С вами? Почему не со мной?

— Ну, ты же телефон отключила, ни с кем общаться не желаешь.

— Да ладно, дядя Илья: почему же тогда он с мамой не поговорил? Я так поняла, что этот... Гуров, кажет-